

ВОТ ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА...

У писателя, кинодокументалиста Сергея Говорухина нетипичная для людей современного творческого круга судьба. После армии работал сварщиком, прорабом, старателем на Крайнем Севере, заочно окончил сценарный факультет ВГИКа. Основал свою строительную фирму, затем киностудию. И решил снять документальный фильм о войне. С 1994 года работал со съемочной группой в Таджикистане и Чечне. Был тяжело ранен, потерял ногу, но снова поехал на войну. Автор нескольких повестей и рассказов, председатель Московской организации ветеранов и инвалидов Таджикистана и Чечни. Главное на сегодняшний день произведение — фильм с рабочим названием «Вот и кончилась война» — не завершено.

О цене жизни

— Почему в своем творчестве вы избрали тему, о которой уже и без вас столько сказано?

— Мне всегда была особенно близка эта тема. На афганскую войну пытался попасть и солдатом, и сценаристом — не пустили. Что такое война? Это индикатор нашего бытия. Россия в этом веке перенесла свыше тридцати войн и прочих катаклизмов. Далеко не все они были за правое дело. Общество сегодня проявляет поразительное безразличие к тому, что происходит в Таджикистане и Чечне. Я хочу показать войну со всей ее святостью и жестокостью, хочу успеть предупредить: чем равнодушнее мы воспринимаем происходящее там, тем вероятнее возникновение военной ситуации здесь. А пока что гибнут люди, много людей, причем лучших.

Гибнут за безнравственный, преступный режим и за наше безразличие...

— Хочется верить, что война в Чечне закончилась. Люди, прошедшие через нее, вернулись домой. Найдут ли они себя в нормальной жизни?

— В общем, они нормальные ребята. Осатаневшие, конечно, ну так это естественно. Беда в том, что они вернутся в общество, которому не нужны. Они узнали цену жизни и себе, готовы жить по усвоенным там категориям достоинства, совести, отваги, а для того, чтобы выжить здесь, требуется совсем другое...

— Ну на войне были не только долг и честь. Пьянство, наркомания, унижение, насилие, мародерство...

— Это не преобладает. Да, пьют, но разве там можно не пить? С ума сойдешь. Большинство солдат и офицеров, с которыми я встречался, понимали бессмысленность этой бойни, свою брошенность и беззащитность. Даже у наших «великих» военачальников не хватает артистизма, чтобы скрыть растерянность.

— У вас нет опасения, что ваш фильм окажется неинтересным для публики, закорюченными телесюжетами с войны?

— Тележурнал и подробный киноанализ — два совершенно противоположных явления. Тема фильма оказалась гораздо глубже, объемнее, чем мне самому представлялось. У войны как бы два ракурса: там и здесь, в обществе. Фильм не столько о войне, сколько об обществе на фоне войны, и не только чеченской. Наша сверхзадача — чтобы этот фильм можно было смотреть и сегодня, и через годы.

Конкуренция с телевидением? Разве вы когда-нибудь видели по

телевидению эту войну? Наспех смонтированные обрывки, не создающие целостного ощущения. Недавно на творческой встрече я показал получасовую подборку материалов к фильму. В зале был шок. Даже на самую слабореагирующую публику материал произвел огромное впечатление. По крайней мере, они станут иначе понимать людей, прошедших войну.

О себе

— Приходилось когда-нибудь зарекался: все — больше не поеду, не буду лезть в пекло?

— После ранения и ампутации ноги думал — больше не смогу. Даже пришло некое успокоение —

теперь-то сяду за стол и буду работать. В результате ничего не написал, поскольку мысленно все время был там. Война — это тоже своего рода наркотик. А потом есть нечто такое, что можем снять только мы, какой-то еще не увиденный кадр, может, самый главный.

— После ранения вы еще дважды были в Чечне. Наверное, среди ваших знакомых немало людей, не понимающих, «зачем это нужно»? Как вы им все это объясняете?

— Объяснить практически невозможно. Слишком серьезные изменения претерпел нравственный закон в нас самих. Слишком умело и методично его из нас вытравили. Надеюсь, ответом отчасти будет наш фильм.

— Часть журналистов, операторов рвутся на войну, чтобы попасть в атмосферу нормальных человеческих отношений, которых не могут обрести на «гражданке». Другие ищут опасность, острую тему, возможность лицемерить схватку, кровь. Вы из какой категории?

— Из первой. Возможно это прозвучит абсурдно, но я рад, что познал эту сторону жизни, она изменила и меня, и мое окружение. На войне я встретил людей, которых бы никогда не встретил здесь. Фронтная дружба — особая статья. У нас нет отдельных друг от друга проблем. Твоя беда — моя беда. По этому принципу и живем.

Что касается вторых... Мне приходилось участвовать в боевых действиях в Таджикистане. В Чечне я бы никогда не взял в руки оружия. Даже после того, как меня ранил чеченский снайпер, во мне не возникло ненависти и желания отомстить. Я отношусь к чеченскому народу с не меньшим уважением и состраданием, чем к собственному.

— У вас есть боевые награды. Расскажите о них и о том, как вообще получилось, что кинодокументалист оказался участником боевых действий?

— Специфика документального военного кино требует постоянного и тесного взаимодействия с во-

йсками. Рядовой телезаставкой здесь не ограничишься. Бой можно снять только в бою. Приходилось ходить в рейды, на бомбостурмовые удары, в разведывательно-поисковые группы. Нам, как и всем, выдавали оружие, боекомплект. Случались и переделки.

У меня орден Мужества за Таджикистан. «Кресты» за Таджикистан и Чечню. Впрочем, говорить об этом не хочется...

— Насколько я знаю, работа над фильмом близится к концу. Удалось снять тот самый, главный кадр, за которым вы ездили в Чечню уже после ранения?

— Последний раз мы были в Чечне в августе, когда шли бои. Работали на Ханкале. Убитые, раненые, как в первые дни войны... Хирурги оперировали по шесть суток подряд без сна, на трех столах одновременно. Потом был бой в районе первого КПП. И опять полная неясность, отсутствие взаимодействия, потери. Когда говорят, что Ханкала — неприступная крепость, это по меньшей мере смешно. Если такая неразбериха на подступах к штабу группировки — то что говорить о боевой готовности вообще... Все это мы отсняли. Что же касается главного кадра, он еще впереди...

О кино

— Кто финансирует ваш фильм?

— Сами. У нас, помимо киностудии, еще и строительная фир-

ма. За счет фирмы и кино снимаем. Но при нынешнем параличе экономики и бюджета мы на стройке-то еле концы с концами сводим, так что на кино ничего не остается. Иначе фильм был бы уже готов. Я рассчитывал на финансовую поддержку со стороны, и мне действительно оказали ее те, кто, можно сказать, отдал последнее. Я бесконечно признателен этим людям. И даже не столько за деньги, сколько за гражданскую позицию. Но эти суммы, конечно, ничто по сравнению с предполагаемыми затратами. Состоятельную же прослойку общества документальное кино, да еще на подобную тему, интересует не больше, чем прошлогодний снег. По-моему, они в принципе не имеют представления о том, что такое война.

В России культура еще жива, и на сегодняшний день это, вероятно, наше единственное достояние. И его необходимо охранять. Фраза «таланту нужно помогать, бездарность сама пробьется» сегодня как никогда актуальна. Художнику необходимо помогать, дабы он не растворился в поденщине, не растратил творческого потенциала. И коль государство сняло с себя обязательства по поддержке культуры, пусть этим займутся меценаты. К тому же у российского меценатства глубокие корни. Без культуры и духовности нация обречена на вымирание. И это одинаково грозит и бедным, и богатым.

— Но ведь есть художники, которые пробиваются к зрителю сами, без чьей-либо помощи и протекции...

— Не то сейчас время. Некая Таня или Маша не умеют петь, но в них вложены деньги, они записываются на профессиональной студии и на профессиональной аппаратуре. И они потребляемы. Или взгляните на литературу книжных развалов. Что же в такой ситуации делать барду, допустим, урваня Высоцкого? Или как издать некоммерческую книжку неизвестному писателю? Кто поможет им? Сии же не представители массовой культуры, а следовательно, заведомо убыточны. Вероятно, и сегодня есть художники высочайшего уровня, но общество не готово к их восприятию. Мы живем в эпоху безвременья, а у безвременья свои идолы, и они выпалтывают ростки таланта на своем пути. Сегодняшнее искусство — искусство торжества Сальери над поверженным Моцартом...

— Это относится и к кинематографу?

— В кино все очень плохо. Если уж такие мастера, как Михалков, Тодоровский, сдают позиции, то что говорить о тех, кто только начинает. Их учить-то некому. Каждый новоявленный кинематографист думает исключительно о зарботке и самовыражении, забывая, что кино в общем-то делается не для этого.

Беседу вел
Михаил ЗУБОВ.
Фото Илья МОРДВИНКИНА
и Михаила ЗУБОБА.